

Ж. Л. ЛЕВШИНА

Российская национальная библиотека, С.-Петербург

**К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ РАБОТЫ
ФАЛЬСИФИКАТОРОВ XIX ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ ПОДЛОЖНОЙ ЗАПИСИ
АННЫ ЯРОСЛАВНЫ
НА СЕРБСКОМ УСТАВЕ XIV ВЕКА)**

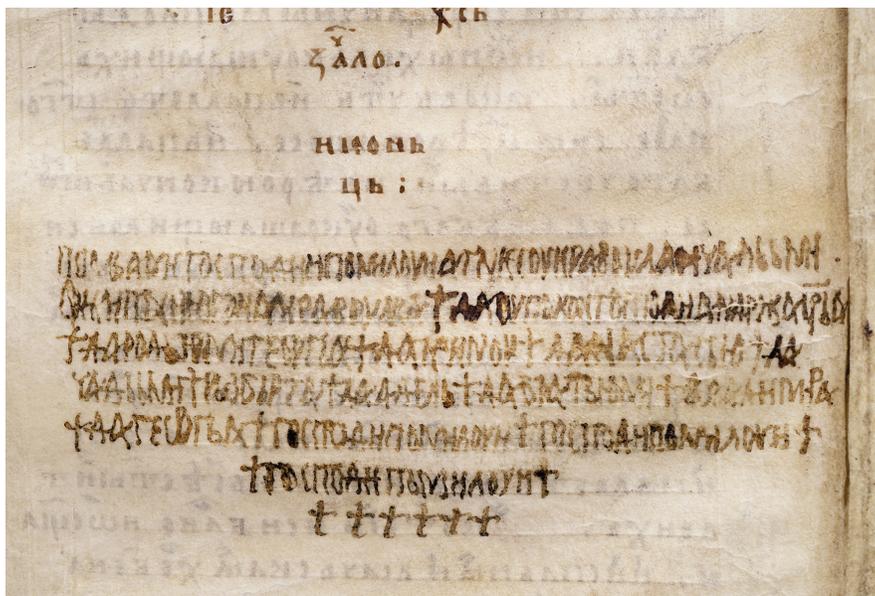
Фальсифицированная запись от лица Анны Ярославны, дочери Ярослава Мудрого и супруги короля Франции Генриха I, созданная в начале XIX в., находится на л. 237 об. (ил. 1, 2¹) сербской рукописи Устава Иерусалимского РНБ, Ф.п.І.26², датирующей первой половиной XIV в. (до 1346 г.) (Турилов 2012: 348–349, примечание 42). Ранняя история кодекса не известна; достоверно ее бытование устанавливается лишь начиная с XVII в. Тогда рукопись находилась в афонской Лавре св. Афанасия (запись на л. 261 об.), в том же столетии перешла к канцлеру Франции Пьеру Сегье, от которого через его внука Анри-Шарля дю Камбу герцога де Куалена поступила в библиотеку аббатства Сен-Жермен-де-Пре. Часть сенжерменских рукописей затем стала собственностью прослужившего много лет в Париже русского дипломата П. П. Дубровского — среди них оказался и данный сербский список Устава (Сиренов 2008: 187; Турилов 2012: 348–349, примечание 42).

В 1805 г. богатейшее собрание П. П. Дубровского³ было куплено российским правительством и поступило на хранение в Императорскую

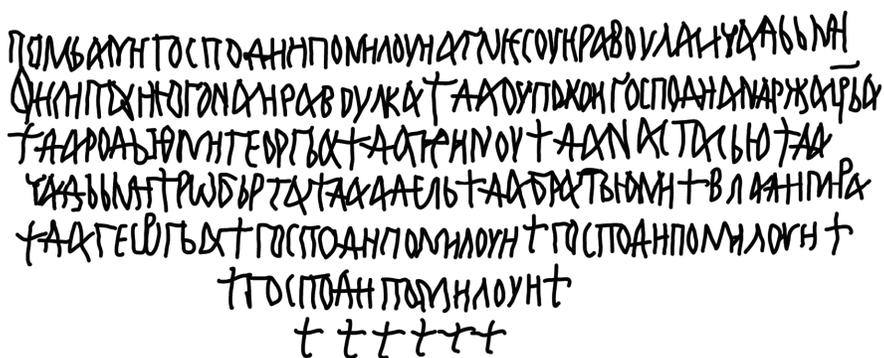
¹ За создание прориси искренне благодарю С. М. Михеева.

² Краткое описание рукописи и воспроизведение л. 237 об. с записью см. (Левшина 2017: 104–105); цифровая копия всей рукописи размещена на сайте РНБ: URL: http://expositions.nlr.ru/ex_manus/Serbian_Manuscripts/show.php?i=23AE2D13-C53A-4D55-9516-6BVB454B132A&l=1&lang=1 (дата обращения: 15.01.2018).

³ О нем и коллекции см., например, (Археографический ежегодник 2005: 271–399; Васильева, Ришар 2005: 10–20; Васильева 2006: 8–25).

Ил. 1. Подложная запись от лица Анны Ярославны. Устав Иерусалимский. Перв. пол. XIV в. (до 1346 г.). РНБ, Ф.п.1.26, л. 237 об.

Ил. 2. Подложная запись от лица Анны Ярославны. Прорись

Публичную библиотеку (далее — ИПБ). В связи с этим приобретением рескриптом Александра II от 27 февраля того же года в библиотеке было учреждено Депо манускриптов, а бывший владелец назначен его первым хранителем. Как известно, коллекция Дубровского насчитывает несколько сотен западноевропейских манускриптов, более сотни восточных, несколько десятков древнерусских и греческих, а также около 15000 архивных документов и автографов исторических лиц. И лишь Устав Ф.п.І.26 представляет в ее составе южнославянскую книжно-письменную традицию. Но именно он сыграл едва ли не решающую роль в вопросе о покупке российским правительством всего собрания.

В начале XIX в., т. е. непосредственно перед продажей коллекции, и, видимо, не без участия самого владельца, в Петербурге начала распространяться информация о наличии среди рукописей Дубровского приобретенной им во Франции части библиотеки Анны Ярославны, что не могло не заинтересовать общественность и правительственные круги (Сиренов 2008: 178–179). Данное обстоятельство увеличило ценность для России и без того достойнейшего собрания манускриптов и в конечном счете привело к его покупке.

Легенда о существовании библиотеки дочери Ярослава Мудрого, в свою очередь, должна была иметь какое-то подтверждение. Для этого одна из рукописей коллекции была представлена владельцем как Молитвенник Анны Ярославны. Кодекс с таким названием фигурирует, в частности, в переписке директора ИПБ А. Н. Оленина с П. П. Дубровским и с министром народного просвещения А. К. Разумовским по поводу проводившейся в Депо манускриптов с декабря 1811 по март 1812 г. проверки наличия рукописей. Из нее же следует, что сам владелец в это время уже высказывал сомнение в подлинности Молитвенника и пытался оставить кодекс себе (см.: Сиренов 2008: 181–184, 188).

Поскольку в стенах ИПБ коллекция Дубровского не сохранилась как единый комплекс, а разошлась по разным фондам, то долгое время оставалось неясным, какую именно рукопись первый хранитель Депо манускриптов выдавал за Молитвенник Анны Ярославны. В 1853 г. А. Ф. Бычков охарактеризовал ее как «церковный устав XIII–XIV в.», но шифра не назвал (Отчет 1853: 27–28). Заслуга в отождествлении

так называемого Молитвенника Анны Ярославны с сербским Уставом РНБ, Ф.п.І.26 принадлежит А. В. Сиренову (Сиренов 2008: 185–187), который обратил внимание на содержание находящейся в нем на л. 237 об. приписки и среди упоминаемых в ней лиц узнал членов семьи русской княжны и королевы Франции Анны.

Нужно сказать, что в собрании Дубровского есть древнерусская пергаменная Минея XI в. РНБ, Ф.п.І.36⁴, которая куда больше подошла бы для создания легенды о Молитвеннике и даже библиотеке Анны Ярославны. Тем не менее для этой цели был выбран сербский кодекс, а Минея, по-видимому, не устроила фальсификаторов своей неполнотой (всего 15 листов).

Создателей записи не смутили ни сербская орфография кодекса, ни датировка, что, безусловно, нельзя объяснить невнимательностью, а скорее — их собственной некомпетентностью в славянской палеографии или расчетом на некомпетентность современников. В любом случае, легенда о библиотеке Анны Ярославны временно была усвоена. Как упоминалось выше, сомнение в подлинности Молитвенника высказывалось самим Дубровским, но это произошло уже спустя несколько лет после покупки коллекции. В течение следующих четырех десятилетий данный вопрос, по-видимому, не поднимался, а в середине XIX в. о подложности записи уверенно писал А. Ф. Бычков (Бычков 1853: 27–28). По его мнению, приписка была сделана известным любителем фальсификаций А. И. Сулакадзевым⁵. Правда, в рассуждениях А. Ф. Быčkoва речь идет о «послесловии» на последнем листе рукописи, но, скорее всего, исследователь просто ошибся с указанием места приписки (Сиренов 2008: 185). А. В. Сиренов также в результате своих рассуждений пришел к выводу, что «фальсифицированная запись на рукописи Ф.п.І.26 была сделана Сулакадзевым по заказу Дубровского для подтверждения догадки последнего,

⁴ Цифровая копия рукописи размещена: URL: <http://www.nlr.ru/manuscripts/fondy/digital-library#1?ab=57863E4A-690D-ECD-97F5-A19BE443D9B7> (дата обращения: 15.01.2018).

⁵ О нем и его подделках см., например, (Сперанский 1956: 62–74, 90–101; Смирнов 1979: 200–219; Каган 1995: 79–82).

что приобретенная им в Париже кириллическая пергаменная рукопись происходит из библиотеки Анны Ярославны» (Сиренов 2008: 190).

Тем не менее прямых доказательств того, что приписку на л. 237 об. выполнил А. И. Сулакадзев, нет, и вопрос о его авторстве требует дополнительных изысканий, хотя эта версия, конечно, наиболее предпочтительна.

Само по себе наличие записи от лица, жившего в XI в., в кодексе, датирующемся XIV в., не делает ее подложной: она могла быть скопирована с более раннего оригинала вместе с основным текстом рукописи, и подобные примеры известны. Однако в данном случае не только история коллекции Дубровского, но и содержание кодекса является аргументом в пользу подложности текста, так как перевод Устава Иерусалимского на церковнославянский язык практически современен рукописи РНБ, Ф.п.I.26: и болгарскими, и сербами он был осуществлен в первой половине XIV в. (Пентковский 2009: 505), а во времена Анны Ярославны его еще не было. Значит, и предшествующая традиция у данного памятника весьма и весьма короткая.

Запись дважды публиковалась: в 2005 г. — Е. В. Крушельницкой, в упрощенной орфографии и без каких-либо комментариев (Крушельницкая 2005: 357, примечание 2); в 2008 г. — А. В. Сиреновым, с сохранением правописания оригинала и небольшими комментариями (Сиренов 2008: 186). Несмотря на эти публикации, текст требует переиздания, поскольку в обоих случаях имеются ошибки прочтения. Некоторые из них существенны для понимания замысла фальсификаторов и методики его реализации, а также для установления объема знаний, которыми они обладали. Ведь для того чтобы запись выглядела достоверной, она должна была соответствовать предполагаемому времени создания по своему содержанию и палеографии (графике и орфографии). Правильное прочтение текста позволяет актуализировать те погрешности, которые были допущены при его создании и тем самым выдают его подложность.

Разночтения между публикациями Е. В. Крушельницкой и А. В. Сиреновым и нашим вариантом прочтения представлены в помещенной ниже таблице:

Крушельницкая 2005	Сиренов 2008	Ж. Л. Левшина
и Равула	КРАВОУЛА	Н РАВОУЛА
чады	ЧАДЬБ	ЧАДЬБ
и Равулка	КРАВУЛКА	Н РАВОУЛКА
Андрика <u>царева</u>	АНДР[...]РЬА	АНДРИКА ЦРЬА [под титлом]
Георгеа	ГЕОРГЪА	ГЕОРГЪА
чады	ЧАДЬБ	ЧАДЬБ
Росбърта	РАЗБЪРТА	РСЪБЪРТА
Владимира	ВЛАДНМРА	ВЛАДНМНРА
Георгеа	ГЕГЪРГЪА	ГЕГЪРГЪА

Таким образом, правильное прочтение записи следующее⁶:

ПОМЪАНН, ГОСПОДН, Н ПОМНЛОУН, АГНЕСОВ Н
РАВОУЛА Н ЧАДЬБ МН /

ФНЛНПА Н ЮГОНА Н РАВОУЛКА. † ДА ОУПОКОН,
ГОСПОДН, АНДРНКА ЦРЬА, [под титлом] /

† ДА РОДЬЮ МН ГЕОРГЪА † ДА НРННОВ, † ДА
НАСТАСЬЮ, † ДА /

ЧАДЬБ МН † РСЪБЪРТА † ДА АДЕЛЬ, † ДА БРАТЬЮ МН †
ВЛАДНМНРА /

† ДА ГЕГЪРГЪА. † ГОСПОДН, ПОМНЛОВН. † ГОСПОДН,
ПОМНЛОВН. † /

† ГОСПОДН, ПОМНЛОВН. † /

††††††

⁶ При публикации в тексте расставлены отсутствующие в рукописи знаки препинания, косой чертой обозначен конец строки.

Каково же смысловое наполнение текста? Что именно хотели вложить создатели записи в уста, а точнее, в руку, Анны Ярославны? Что в содержании говорит в пользу достоверности, а что — в пользу подложности?

Запись не является в полном смысле владельческой, т. е. не сообщает о принадлежности данного кодекса Анне Ярославне. Она помещена после Молитвы над кутией основного текста рукописи и носит молитвенный характер. Такое смысловое наполнение было выбрано фальсификаторами, скорее всего, потому, что обращение к высшим силам является одним из самых распространенных типов приписок на рукописях любого времени и должно было служить органичности восприятия текста. С другой стороны, формирование подобного текста не требовало столь больших творческих усилий и глубоких разносторонних знаний, как создание записи исторического содержания. В приписке нет большого лексического разнообразия: помимо имен собственных и соединительных союзов («и» и «да») использованы только три глагола («помяни», «помилуй», «упокой»), три имени существительных («Господи», «ц(а)рь», «чадь») и одно местоимение («ми»). Набор грамматических форм тоже весьма ограничен: все глаголы стоят в форме императива, существительное «Господь» — в звательном падеже, существительное «чадо» — в родительном падеже множественного числа, все имена собственные и существительное «царь» — в винительном падеже единственного числа. При этом следует заметить, что если отвлечься от правописания, то фонетически все словоформы совпадут с их произношением в русском языке, т. е. в тексте не используются грамматические формы, являющиеся специфически церковнославянскими и/или архаичными по отношению к русскому литературному языку, такие как аорист, имперфект, архаичные окончания существительных, формы двойственного числа и т. п.

Запись состоит из трех частей. Первая из них содержит имена живых родственников Анны Ярославны, т. е. поминаемых ею «за здравие», вторая — перечень имен родных Анны для поминания «за упокой», а последняя — это трижды повторенная формула «Господи, помилуй».

Среди умерших первым во второй части приписки называется «**Андрик царь**». Е. В. Крушельницкая верно прочитала само имя и ошиблась только в оформлении второго слова, поставив вместо родительного падежа имени существительного «царя» родительный падеж притяжательного прилагательного «царева». Действительно, кто такой «Андрик царев», предположить затруднительно. А. В. Сиренов справедливо не согласился с версией Е. В. Крушельницкой, но и свой вариант чтения по сути не предложил; однако совершенно верно предположил, что здесь должно подразумеваться имя «Генрих». При правильном прочтении не остается сомнений, что «Андрик царь» — это первый супруг Анны Ярославны, король Франции Генрих I († 1060; фр. *Henri*, лат. *Henricus*)⁷. Написание «Андрик» с лигатурой «ик» представляет собой контаминацию вариантов «Анри» и «Генрик», с избыточным вставным «д»; определение «царь» — единственное во всем тексте слово, сокращенное под титлом.

Следующие три имени объединены собирательным существительным «родья». Подобной лексемы не удалось найти в исторических словарях славянских языков. Некоторые из них фиксируют лишь существительное среднего рода «родие /родье» в значении «родство» (Срезневский 1912: 131; СДЯ 2013: 415). Употребленное авторами записи слово «родья» можно трактовать как «предки», «родственники старшего поколения», к которым отнесены отец, мать и бабка Анны по отцовской линии: **Георгий** — это крестильное имя Ярослава Мудрого († 1054); **Ирина** — крестильное имя его супруги Ингигерды († 1050); **Настасья** (Анастасия) — крестильное имя матери Ярослава Мудрого Рогнеды († ок. 1000). А. В. Сиренов посчитал, что под Настасьей подразумевается старшая дочь Ярослава Мудрого. Однако этому противоречит сразу несколько факторов: наличие слова «родья», объединяющего Настасью с родителями Анны, т. е. отсутствие слова «сестра» перед ее именем, в то время как в других случаях степень родства указывается точно; достаточно поздняя дата смерти Анастасии Ярославны, хотя точный год не известен (до 1094 г.); отсутствие в записи имени другой сестры Анны — Елизаветы († 1066 или 1067).

⁷ Обзор точек зрения на первый брак Анны см. (Мусин 2014: 145–172).

Обращает на себя внимание, что в перечне предков нет мужа Рогнеды-Анастасии и деда Анны по отцовской линии Владимира Святославича, святого равноапостольного князя Владимира († 1015), крестителя Руси. Вопрос о времени возникновения его общецерковного почитания исследователями решается по-разному (обзор точек зрения см. (Милютенко 2008: 399–410)). По мнению фальсификаторов, видимо, это произошло достаточно рано, еще при жизни Анны, и потому имени Владимира (в крещении Василия) в записи нет, в то время как в ней упоминаются также почитаемые в лике святых родители Анны. Кроме того, не поминаются «за упокой» бабка и дед по материнской линии — шведский король Олав († 1022) и его супруга Астрид († 1035), хотя оба они были христианами.

Далее в приписке называются имена двух детей Анны («чадь»): **Роберт** — это средний из трех сыновей Анны от брака с Генрихом, умерший в пятилетнем возрасте († 1060). Е. В. Крушельницкая и А. В. Сиринов не справились с прочтением «омеги», по-видимому, из-за физической сохранности начертания этой буквы: на левую часть «омеги» наложилось небольшое пятнышко грязи, образовав подобие буквы «о» или петли буквы «а»; **Адель** — возможно, имеется в виду дочь от брака с Генрихом I, в отношении которой исторические свидетельства разнятся, но ни в одном из них не фигурирует подобное имя. Некоторые авторы говорят только о трех сыновьях и совсем не упоминают дочь; по мнению других, девочка действительно родилась, но умерла в младенчестве, а имя ее не называется (Mézeray 1643: 399); по данным третьих, дочь Анны и Генриха при рождении называли Эммой, но впоследствии она покинула дом, приняла монашество, и теперь в католичестве почитается как святая блаженная Эдигна († ок. 1109). Однако отождествление святой Эдигны с Эммой надежно не подтверждено. С другой стороны, Аделью звали дочь второго мужа Анны Рауля де Крепи де Валуа от его первого брака. Поэтому вопрос об интерпретации имени «Адель» по-прежнему остается открытым.

И, наконец, завершают эту часть записи имена двух братьев Анны: **Владимир** — Владимир Ярославич († 1052), князь новгородский. Существует предположение, что в крещении он получил имя

Василий (Литвина, Успенский 2006: 502, примечание 175), но надежно это не подтверждается. Очевидно, авторам записи крестильное имя Владимира было также не известно, поэтому они оставили то, что было дано ему при рождении; **Георгий** — Игорь Ярославич († 1060), князь волынский. Доподлинно мы не знаем, как он был наречен в крещении, но все-таки существуют источники, на основании которых можно предположить, что христианским именем Игоря было Георгий. В частности, об этом говорит Н. М. Карамзин (Литвина, Успенский 2006: 563). Как известно, у Анны был еще один брат, дата смерти которого находится между датами смерти Владимира и Георгия. Это Вячеслав († 1056/1057), князь смоленский, чье имя в записи, однако, отсутствует.

Первая часть приписки, как уже говорилось выше, содержит имена живых родственников Анны, поминаемых ею «за здравие». Первые два имени объединены союзом «и»: **Агнеса** — это собственно Анна (фр. Anne и Agnès; лат. Anna и Agnes), которая именуется Agnes во французских королевских актах (Мусин 2014: 147–149); **Равул** — Рауль де Крепи, граф Валуа (фр. Raoul de Crépy, comte de Valois; † 1074), второй супруг Анны (с 1060 или 1061 г.). Предложенное А. В. Сириновым чтение «кравула» и его интерпретацию как «королева» принять нельзя. Даже при использовании авторами записи нехарактерной для древнерусского языка неполногласной формы при обозначении титула Анны имя существительное «королева» должно было быть оформлено ими как «кралева», и дополнительные метатеза согласных «л»–«в» и мена гласного «е» на «у» в данном случае излишни. Неверным при такой трактовке оказывается и падежное окончание (-а вместо -у), тогда как других грамматических ошибок в тексте записи не наблюдается. Напротив, чтение «и Равула» объяснимо фонетически (протетическое «в» является вполне закономерным; ср., например: Леон/Левон) и верно оформлено грамматически.

Далее в записи перечисляются имена трех детей («чадь»): **Филипп** (древнегреч. Φίλιππος, фр. Philippe, лат. Philippus) — старший сын от брака с Генрихом, с 1060 г. король Франции († 1108); **Югон** (старофр. Hugues и Hugo, лат. Hugo, родительный падеж Hugonis) —

младший сын от брака с Генрихом Гуго (Гугон), граф Вермандуа и Валуа († 1102); **Равулко** — ребенок с таким именем у Анны не известен ни от одного из браков, более того, источники ничего не сообщают о детях, родившихся у нее во втором браке. По-видимому, имя придумано составителями записи, которые могли придерживаться романтической версии отношений Анны и Рауля де Крепи, согласно которой влюбленные встречались еще при жизни Генриха I и лишь ждали момента, чтобы воссоединиться (некоторые авторы сообщают, что Анна была украдена Раулем). В таком случае логичным результатом брака было бы появление у еще достаточно молодой Анны ребенка, которого следовало непременно назвать в честь любимого и долгожданного мужа.

Таким образом, по замыслу создателей записи Анна Ярославна должна была составить подобный молитвенный текст после 1060 г. или 1061 г., когда она уже была замужем за Раулем де Крепи. Выбор имен в каждой из частей приписки, по-видимому, следует объяснять содержанием тех источников, которыми пользовались фальсификаторы как историческим пособием, при этом дополняя достоверную информацию собственными измышлениями. Если сведения о самой Анне Ярославне, ее супругах и детях составители должны были черпать из изданий и документов на французском и латинском языках, то о ее родственниках, оставшихся в России, скорее всего, узнавали из русских печатных и рукописных источников. Поскольку создание записи происходило не без ведома владельца рукописи, то для решения этого вопроса в будущем следует обратить внимание прежде всего на библиотеку П. П. Дубровского, каталоги которой хранятся в Отделе рукописей РНБ: F.XVIII.19, Lat. F.XVIII.48, Fr. F.XVIII.21⁸.

Теперь перейдем к палеографии записи.

Графика фальсификаторами, видимо, выбрана так, чтобы прочтение текста было затруднено: буквы вытянутые, расстояние между строками маленькое, а расстояния между буквами вообще практически нет; некоторые буквы объединены в лигатуры, другие — просто

⁸ См. также (Королев, Сомов 2009: 24–40).

соединены друг с другом, что не характерно ни для XI, ни для XIV в. При этом запись выполнена как будто дрожащей рукой. А. В. Сиренов указал, что почерк подражает «одновременно уставу и полууставу» (Сиренов 2008: 185). На наш взгляд, за счет лигатур и соединительных линий он также напоминает декоративное письмо рукописных заголовков. Как отмечал И. П. Смирнов, усложнение графики характерно для фальсификаций А. И. Сулакадзева: «Одна и та же логика прослеживается на всех уровнях предпринятых Сулакадзевым мистификаций. Те из них, которые должны были нести на себе печать крайней архаики, и графически, и лексически оформлялись так, чтобы с трудом поддаваться расшифровке» (Смирнов 1979: 212). Косвенно это свидетельствует и в отношении данной записи в пользу авторства Сулакадзева.

В орфографии записи следует отметить следующие особенности:

1) Одноеровое (с «ь») правописание, не соответствующее восточнославянскому XI в. Оно заимствовано создателями записи из основного текста Устава РНБ, Ф.п.І.26, выполненного одноеровой рашской орфографией.

2) Редупликация гласных, которая в тексте использована при написании одного слова — «чадь». Е. В. Крушельницкая неверно прочитала форму как «чады», что соответствовало бы творительному падежу множественного числа, а не винительному. Удвоение гласных, в том числе конечного редуцированного в родительном падеже множественного числа существительных характерно для сербских рукописей. Сербские писцы, как известно, таким образом обозначали долготу гласных (Загребин 1998: 223–233). Удвоение редуцированного также заимствовано составителями записи из основного текста кодекса (при просмотре рукописи нам не удалось обнаружить данное имя существительное; наиболее часто с редупликацией конечного «ь» встречается словоформа «от(ь)ць»). Буква гласного в корне слова («а» на месте «а») не соответствует сербскому изводу церковнославянского языка. Но косвенно также может свидетельствовать о том, что за образец орфографии принимался кодекс, в который вносились приписка — кодекс, написанный безьюсовой орфографией.

Впрочем, используя рефлекс юса малого «а», создатели записи могли подразумевать неосведомленность Анны в церковнославянском правописании и ориентироваться в данном случае на русскую разговорную речь.

3) Написание редуцированного в корне слова имени «Робѣрт», по-видимому, тоже было почерпнуто из самого Устава. Для сербских рукописей характерно как этимологическое употребление «ь», так и гиперкорректное — и те, и другие орфограммы встречаются в рукописи РНБ, Ф.п.1.26.

4) Написание «ь» перед «а» для обозначения мягкости согласных или на месте «и» перед йотированным «а»: «помъани», «ц(а)рѣа», «Георгъа» (последнее имя — дважды). Объяснить данную орфографическую особенность затруднительно. Возможно, что образцом для таких написаний могла послужить уже известная к началу XIX в. подпись Анны Ярославны «АНА РЪИНА». Сочетание «ьи» (хотя оно отражает совсем иное фонетическое явление) фальсификаторы могли спроецировать (с учетом одноеровой орфографии) на данную запись, интерпретировав его как проявление архаики. С другой стороны, они могли использовать «ь» в данных позициях в качестве еще одного усложнения правописания.

Все перечисленное выше означает, что составители записи не имели достаточных знаний в области славянской палеографии и не могли отличить сербскую рукопись от восточнославянской. Ориентиром в отношении графики и орфографии для них был сам источник, в который вписывался подложный текст.

ЛИТЕРАТУРА

- Археографический ежегодник 2005 — Археографический ежегодник за 2004 год. М., 2005.
- Васильева, Ришар 2005 — *Васильева О. В., Ришар Ф.* *Orientalia* Петра Дубровского, дипломата и коллекционера // *Восточная коллекция*. М., 2005. № 1. С. 10–20.
- Васильева 2006 — *Васильева О. В.* Петр Дубровский и восточные рукописи его коллекции // *История в рукописях и рукописи в истории*: Сб. научных

- трудов к 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. СПб., 2006. С. 8–25.
- Загребин 1998 — *Загребин В. М.* Квантитет и редупликация (Способы обозначения долготы гласных звуков в средневековых сербских рукописях и редупликация гласных букв в ненотированных богослужебных сербских текстах) // *Русь и южные славяне: Сб. статей к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина.* СПб., 1998. С. 223–233.
- Каган 1995 — *Каган М. Д.* Сулакадзев // *Энциклопедия «Слова о полку Игореве».* СПб., 1995. Т. 5. С. 79–82.
- Королев, Сомов 2009 — *Королев С. В., Сомов В. А.* Иностранные издания XVI — начала XIX веков в личной библиотеке П. П. Дубровского // *Западные рукописи и традиция их изучения.* СПб., 2009. С. 24–40.
- Крушельницкая 2005 — *Крушельницкая Е. В.* Русские рукописи из коллекции П. П. Дубровского // *Археографический ежегодник за 2004 год.* М., 2005. С. 356–369.
- Левшина 2017 — *Левшина Ж. Л.* Шесть столетий сербского книжного письма. XII—XVII века (Материалы выставки) // *Вестник Альянс-Архео.* М.; СПб., 2017. Вып. 18. С. 99–145.
- Литвина, Успенский 2006 — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропониими. М., 2006.
- Милютенко 2008 — *Милютенко Н. И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб., 2008.
- Мусин 2014 — *Мусин А.* Анна Киевская: между историографией и историей // *Княжа доба: історія і культура.* Львів, 2014. С. 145–172.
- Отчет 1853 — *Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1852 г.* СПб., 1853.
- Пентковский 2009 — *Пентковский А. М.* Иерусалимский устав // *Православная энциклопедия.* М., 2009. Т. 21. С. 504–506.
- СДЯ 2013 — *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.).* М., 2013. Т. 10.
- Сиренов 2008 — *Сиренов А. В.* О так называемом Молитвеннике Анны Ярославны // *Палеография и кодикология: 300 лет после Монфокона.* Материалы междунар. науч. конф. Москва, 14–16 мая 2008 г. М., 2008. С. 181–183.
- Смирнов 1979 — *Смирнов И. П.* О подделках А. И. Сулакадзевым древнерусских памятников: (Место мистификации в истории культуры) // *Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом).* Л., 1979. Т. 34. С. 200–219.

- Сперанский 1956 — *Сперанский М. Н.* Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулакадзев) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Т. V. С. 44–101.
- Срезневский 1912 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. 3.
- Турилов 2012 — *Турилов А. А.* К реконструкции комплекта пергаменных тырновских служебных Миней второй четверти — середины XIV в. // *Турилов А. А.* Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М., 2012. С. 343–350.
- Mézeray 1643 — *Mézeray F. de.* Histoire de France depuis Faramond jusqu'à maintenant. Paris, 1643. Т. 1.

Zh. L. Levshina

**On the methods used by falsifiers in the 19th century
(based on the example of a falsified note attributed to Anna Yaroslavna
in a Serbian Typicon dated to the 14th century)**

A Serbian copy of the Jerusalem Typicon from the collection of diplomat and collector P. P. Dubrovsky, F.п.I.26, contains a falsified note, supposedly by Anna Yaroslavna, made at the beginning of the 19th century. This note has been used to support the legend that a library belonging to this Russian princess and French queen once existed, and that a portion of this library was purchased by P. P. Dubrovsky and brought to Russia. This note was twice published by previous researchers, but their reading of it in both instances contained errors. A correct reading of the note makes it possible to judge the level of competence of its creators in the fields of Slavic paleography and ancient history, as well as the methods of work used by the falsifiers: the script style was chosen by them in such a way as to complicate the reading of the note, while in orthography they were guided not by the ancient Russian spelling of the eleventh century, but by the spelling of Rashka, used throughout this copy of the Typicon.